

THE BRAND NEW MONDAY

О. БЕНДЕР

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

2020

О. Бендер

The Brand New Monday

«ЛитРес: Самиздат»

2020

О. Бендер

The Brand New Monday / О. Бендер — «ЛитРес: Самиздат», 2020

До конца света остается пять дней. По крайней мере, так говорят комментаторы новостных телеканалов, составившие свое мнение со слов политиков, которые, в свою очередь, наперебой спешат то успокоить, то взбудоражить общественное мнение, напропалую перевирая высказывания учёных и превращая те в басни одна невероятнее другой. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

О. Бендер

The Brand New Monday

V

До конца света остается пять дней. По крайней мере, так вещают комментаторы новостных телеканалов, составившие прогнозы со слов политиков, которые, в свою очередь, наперебой спешат то успокоить, то взбудоражить общественное мнение, напропалую перевирая высказывания учёных и превращая их в басни одна невероятнее другой.

Кто-то из числа людей самой непогрешимой категории, к коей они сами себя всегда причисляли, утверждает, что происходящее – предвестник появления нового Мессии, кто-то – что чрезвычайно редкое астрономическое явление, случающееся раз в несколько миллиардов лет. Кто-то предполагает правительственные заговоры, инопланетян и происки Гипербореи, но смысл один: к Земле со стороны галактического центра Млечного Пути с невероятной скоростью надвигается нечто, более всего напоминающее колоссальных размеров цунами и грозящее накрыть планету ровно через пять дней.

Свой новый и, если верить раздающимся со всех сторон паническим бредням, один из оставшихся пяти дней я начинаю с того, что просыпаюсь в шесть утра в своей огромной полупустой студии, в которую переехал полтора года назад, но до сих пор периодически путаюсь, заходя в кладовку вместо ванной комнаты.

Сорок минут уходит на то, чтобы убедить себя встать, совершить все положенные санитарно-гигиенические ритуалы, влить в желудок полтора стакана заранее заваренной вчера вечером бурды, считающейся в этих краях свежемолотым кофе, и закинуть сверху гипоаллергенный, безглютеновый, безлактозный, свободный от трансжиров и такой натуральный завтрак, что, кажется, ещё немного, сам уйдёт своими ногами из тарелки, отправившись к кому-то, кто в состоянии по достоинству оценить массу его скрытых достоинств. Я же всего лишь запиваю его оставшимся в стакане кофе, чтобы отбить с языка привкус картонной коробки, и приступаю к сборам на работу.

Конец всего сущего – не повод опоздать в офис и нарваться на недовольство начальства, которое, я знаю, случись чего, достанет меня и в загробном мире. Зато это прекрасный повод нацепить на шею подарочный галстук от Prada, который мог бы, наверное, стоить ещё дороже, только если бы был сделан из денег.

Надеваю пальто, подхватываю портфель, содержащий в себе бумаги ценностью во всю мою жизнь, то есть, говоря откровенно, ничего особо важного, и выхожу из подъезда.

С порога отмахиваюсь от очередной листовки, сулящей мне спасение души в обмен на все движимое и недвижимое имущество, и, не удержавшись, оглядываю толпу хиппи, выстроившихся разношерстной колонной вдоль пешеходной улицы. Понимаю, что им, борющимся сейчас за свое место на небесах, тёплый уголок не светит никоим образом, поскольку если для того, чтобы въехать на коне в рай, требуется этого коня отписать в собственность очередному пророку, то их средств не хватит даже постоять со своими плакатами возле обмотанного колючей проволокой и обложенного мешками с песком КПП апостола Петра.

Отмахнувшись, жалею, что ко мне так и не приставили обещанную неделю назад охрану, с которой теперь должны были ходить все чиновники штата важнее рядового полотера. Но для исполнения приказа, как обычно, не оказалось людей и, главным образом, денег. Сверстанный государственным казначейством бюджет не предусматривает статьи расходов на конец света, и вселенной, хоть та об этом ещё и не знает, предстоит прогнуться и пойти на уступки перед лицом неумолимой бюрократической машины.

Сажусь на заднее сиденье своего затонированного до полной непроглядности служебного автомобиля и даю отмашку водителю выезжать в департамент. Пока машина шуршит колесами

по грязному асфальту, подминая под себя неделями не убираемый из-за многочисленных забастовок мусор, с интересом осматриваю агонизирующий город. Пожалуй, впервые за все время бездомные на его улицах не чувствуют себя одиноко: все жители находятся здесь же, среди них, разбиваясь на группы по интересам. В меру собственной фантазии каждый сейчас причисляет себя к числу мародеров, дружинников, отчаянных гуляк, адептов новоявленных пророков и празднующихся идиотов. Входящие в эти группы граждане стремятся упиться, обколоться, облевать, набить кулаки и наораться вдоволь на всю отпущенную им жизнь, которой, как они считают, осталось всего ничего.

Среди идущих стенка на стенку банд, сект и идейных воришек всего, что не прибито и плохо лежит, скучает введенная в город армия, которой, за неимением лучших альтернатив, приходится воевать с собственным населением. Впервые могучим американским военным силам некому объявить войну и некуда вторгнуться для немедленного установления режима всеобщего благоденствия. Это деморализует их и веселит меня, являющегося на данный момент единственным упорядоченным элементом в океане хаоса, винтиком в пытающейся симулировать незыблемость системе.

Оказавшись перед высоткой федерального суда Нью-Йорка, торопливо покидаю салон автомобиля и, прорвавшись через полицейское оцепление, являющееся в последнее время тонким пунктиром, разделяющим цивилизацию от океана всеобщей анархии, оказываюсь на своем рабочем месте, приветствуя коллег, недругов и шапочно знакомый обслуживающий персонал региональной Фемиды.

Судебная система срывает банк. Виновны все. Впору каждого, кто чудом сумел остаться с чистой совестью, собрать в одном месте в центральной тюрьме штата, объявив их новое место жительства отдельным государством, а остальную страну – местом заключения. Пусть вводят у себя въездные визы и защищаются от нас, как могут. А мы будем лезть к ним через забор с воплями о свободе и демократических ценностях. Впрочем, так в свободной стране думать нельзя. Особенно вслух. Современная демократия затейлива и допускает свободу мысли для каждого и свободу вздрючить тебя за эти мысли для всех окружающих. Единственный способ уцелеть – сбиться в кучу. Если ты не думаешь так, то кардинально иначе. Ты либо демократ, либо республиканец; либо правый, либо левый. Стоящих посередине тщательно и с особым удовольствием топчут обе противоборствующие стороны, и это то небольшое, что их объединяет.

Впрочем, так было. Теперь – иначе. Конец света – великий дипломат, сумевший объединить всех людей под единым знаменем воровства из супермаркетов. Можно было бы подумать, что в оппозиции окажутся владельцы магазинов, но те тоже в деле и компенсируют издержки, обкрадывая конкурентов. При своих осталось лишь государство. Все его прекрасные, выверенные годами шулерские приемы, заманивающие любого из нас шансом сорвать огромный куш и сулящие баснословные выгоды ровно до той секунды, пока очередной простодушный идиот не достанет из кармана свой бумажник, больше не работают. Кредиты, займы, страховки, компенсации, дотации и пени вдруг оказываются никому не нужны.

Когда у государства перестают воровать, оно тут же теряет связь с собственным народом и посылает свою полицию узнать, в чем дело. Это правильно. Если когда-нибудь из сознания человека разумного исчезнет стремление получить больше, чем у него есть, мир остановится, и все мы умрем от мозгового истощения. Самая первая обезьяна начала свою эволюцию не тогда, когда взяла в лапу палку, а когда додумалась отлупить ею свою соседку, прикарманив добытые той бананы.

Именно поэтому мы все сейчас и здесь: с педантичностью прозектора режем по живому, пытаюсь выяснить, что происходит с нашим обществом, и поставить диагноз каждому из нас. Если вам интересно моё медицинское заключение, то смерть от мозгового истощения нам не грозит.

День в суде проходит под эгидой занимательной физики. Буквально каждый, от охранника на пропускном пункте до референтки прокурора округа, вдруг начинает мнить себя большим специалистом и считает своим святым долгом со знанием дела порассуждать о нейтринно, конденсате Бозе-Эйнштейна, квантовой пене и теории относительности, заставляя одного патлатого еврея без устали вращаться в гробу от частоты упоминания его имени и вопиющей бессмысленности происходящего. Немного радуется лишь то, что почтенное сообщество новоявленных астрофизиков, математиков и ксенобиологов в конце рабочего дня приходит к выводу о несостоятельности астрологических прогнозов и предсказаний Нострадамуса. Победа их частичная: адепты Вайнленда¹ и Мида² отказываются признать поражение, формируя кружок мнения «альтернативного альтернативному» и запутывая тем самым свою и без того путаную позицию, сути которой, кажется, давно уже не понимают сами.

Возвращаюсь домой в пол-одиннадцатого ночи и решаюсь на звонок. Ритуал, которым я пренебрегаю уже неделю. Ты берешь трубку почти сразу, словно догадываешься о моих намерениях до того, как они посетят мою начинающую сесть голову.

– Я уж и не верю. Не мог позвонить еще позже? – в твоём голосе упрек.

– Не мог, еще полчаса и упал бы в обморок. «Тут у нас ад крошечный», – говорю чистую правду и чувствую, как ты смягчаешься.

– Я скучаю. Софи тоже.

– И я по ней, – вру, но так вдохновенно, что и не заподозишь. Появление у нас ребенка стало результатом твоей блажи и моих финансовых вложений, помноженных на связи в одном из детских приютов. Немного стараний, пара рекомендательных писем, чтобы завернуть в них очередную пачку денег, – и вот мы уже счастливые обладатели розовощекой прелести ростом сорок семь с половиной сантиметров, весом два и восемь килограмма, доношенной, без пороков развития. Мать-наркоманка, сдавшая малютку в приют сразу после рождения, в счёт не идёт и быстро теряется где-то на границах сознания – теперь наша девочка является обладателем одобренного лучшими педиатрами и детскими психологами патентованно-счастливого детства, обеспеченного гиперкомпенсированным чувством вины родителей за несовпадение их генетических данных. Иногда опасаясь, что однажды она притащит в дом мёртвого голубя, а у нас под рукой не окажется ни одной подходящей медицинской рекомендации, позволяющей выкинуть пернатую мерзость в мусорный бак. – По тебе тоже. Что у вас нового?

¹ Рональд Вайнленд – основатель апокалиптической Церкви Божьей, готовящейся к Царству Божьему, предсказавший наступление конца света 29 сентября 2011 года, 27 мая 2012 года и, наконец, 9 июня 2019 года.

² Дэвид Мид – «христианский нумеролог», писатель и исследователь, предсказавший столкновение Земли с планетой Нибиру в 2017 и 2018 году.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.